

Мог ли стать барон Врангель русским Бонапартом?..

Под таким, вполне относящимся к делу заголовком хотелось бы предложить читателю заметки о публикуемом журналом "Простор" неизвестном произведении Николая Раевского "Дневник галлиполийца".

... Уж не с самого ли раннего детства нет-нет да и всплывает это ярко подчеркнутое кинематографом впечатление, оставленное фильмом "Чапаев", который стал одним из самых заметных мифов нашего массового сознания. Вы тоже помните, конечно, этот эпизод "психической" атаки каппелевцев: строгие офицерские шеренги, печатается шаг, смело, в рост, идут они на окопы "красных". Еще мгновение, и -- дрогнут чапаевцы. Но вот застрочил пулемет и под ликующий гул зала взмахнула своим победным крылом чапаевская бурка. Смешались стройные офицерские шеренги и немного карикатурно стали отступать. Враг повержен. Невдомек в пору моего детства было задаваться вопросом: таким ли уж смертельным врагом был русский офицер, пусть иначе видевший будущее родины, не менее искренне желавший ей добра, нежели те, кто объявил ему непримиримую классовую борьбу? Невдомек было задумываться об этом и много позже, когда продолжалось неугасимое самоистребление лучших сил нации. Беззаветная смелость, показанная в фильме, как оказалось, не была придумана братьями Васильевыми. Она в самом деле существовала. Атаки, подобные той, что показана в фильме, были не эпизодом, а продиктованной самой жизнью повседневной необходимостью борьбы со значительно превосходящими силами противника.

"Число никогда не было за нас, -- вспоминал генерал Туркул. -- За нас всегда было качество, единицы, личности, отдельные герои.

Большевики как ползли тогда, так ползут и теперь -- на черни, на бессмысленной громаде двуногих. И мы, белые, против человеческой икры, против ползучего, безличного числа всегда выставляли человеческую грудь, живое вдохновение, отдельных героев".

В своих необычайно ярких, экспрессивных записках Туркул не раз подчеркивал, что иногда удавалось побеждать большевиков одним маневром, но чаще всего -- военным искусством и героизмом не массы, но личности.

И даже в последнем бою на Перекопе, когда уже было ясно, что дело проиграно, белая гвардия не изменила своим принципам. Вот как описывает его тот же Туркул: "Цепи красных, сшибаясь, накатывая друг на друга, отхлынули под нашей атакой. Когда мы, белогвардейцы, в нашем последнем бою, как и в первом, винтовки на ремне, с погасшими папиросами в зубах, молча шли на пулеметы во весь рост".

Да, это был уже не бой, а жертва крови!

Вот так и сомкнулись в нашем сознании два мифа об этой войне -- "белый" (Лукаш, Туркул) и "красный" (Фурманов). Документальная проза Николая Раевского, не творя новых мифов и не эксплуатируя старые, помогает по-новому осознать эту, одну из самых трагических страниц нашей истории.

"...мы стали в Галлиполи под открытым небом, на снегу, в голое поле", -- так заканчивает свои мемуары генерал Туркул, а небольшая книжка Ив. Лукаша "Голое поле" и "Дневник галлиполийца" Н.Раевского рассказывают уже о "мирных буднях" стоянки белой армии в Галлиполи.

"А в России, -- заканчивает свою книгу Туркул, -- от нас остались невидимое дуновение и боевая легенда. Кто встречался с нами в огне, тот не мог не уважать нас. И память о нас дышит, живет в России, как немеркнущий дальний свет".

Да, память -- это не только вчера, а постоянное проникновение вчера в сегодня, и потому мы порой так явственно ощущаем дыхание и живую поступь истории. Не оттого ли у каждого человека возникает по временам такое ясное ощущение, что он как бы предшествует себе в своих предках (или предсуществует), тем более что история порой удивительным образом рифмует жизненные ситуации и давно забытое прошлое становится поразительно актуальным... Может быть, потому сегодня все и зачитываются воспоминаниями о событиях начала столь трагического для России XX века, что оно похоже на сегодняшнее его завершение.

В стране снова революционные перемены, смута, гражданские войны. Извлеченные из архива рукописи Н.Раевского "1918" и "Добровольцы" словно ждали своего часа, чтобы появиться как никогда вовремя{*1}.

Незадолго до смерти Николай Алексеевич передал автору этих строк список неопубликованных рукописей с указанием их вероятного местонахождения. Привожу его дословно в надежде, что если мне не удастся их найти, то найдет кто-либо еще.